

А.Л. Кунгуров

Проблемы исследования мезолита Алтая*

История изучения археологических памятников раннеголоценового времени среднего и верхнего течения Катунь, Предалтайской равнины и Лесостепного Алтая имеет почти вековую историю [1–2]. В ходе исследований археологами накоплен огромный фактический материал, однако степень изученности различных памятников и исторических периодов далеко не одинакова. К сожалению, до настоящего времени в силу ряда объективных и субъективных причин крайне слабо изученными остаются памятники предгорно-равнинной части региона, представленные незначительными сборами и рекогносцировочными раскопками.

Первые материалы, которые можно с некоторой осторожностью отнести к мезолитическому времени, были получены в начале XX в. М.Д. Копытовым. Прежде всего это сборы с многослойного поселения в устье р. Иткуля (памятник ошибочно отнесен некоторыми исследователями к палеолитическому времени), а также призматические пластины, наконечники стрел и сколы со стоянки Фоминской. Оба объекта в настоящее время утрачены. На Катунь в 1929 г. в ходе работ, связанных с прокладкой полотна Чемальского тракта, обнаружен Куёмский могильник – первый памятник Усть-Куёмского археологического комплекса. Впоследствии там проводили раскопки Г.П. Сергеев (1932) и Г.П. Сосновский (1936). В 1960-е гг. работы на памятнике возобновлены Горно-Алтайским отрядом ИИФиФ СО АН СССР под руководством Е.М. Берс. В результате работ были выделены культурные слои трех культурно-исторических эпох: палеолита, медно-каменного и раннего железного века. Активное участие в изучении комплекса Усть-Куёма принимал академик А.П. Окладников, который выделил четыре культурных горизонта и датировал их наиболее поздним этапом палеолита [3].

Следующие находки памятников раннего голоцена связаны с именем Б.Х. Кадикова. Выпускник Пермского университета, ученик О.Н. Бадера, он в начале 1950-х гг. приезжает на Алтай и после устройства научным сотрудником в Бийский краеведческий музей, разворачивает активный поиск археологических памятников, частично исследует некоторые из них [4]. С 1959 по 1961 г. Борис Хатмиевич изучает поселение Усть-Сема, открытое П.П. Хороших. В результате работ двумя раскопами вскрыта общая площадь 404 кв. м [5, с. 29]. Кроме раскопочных работ он проводил разведки и практиковал осмотр мест случай-

ных находок древних предметов. Таким образом, в 1950–1960-е гг. им открыты памятники на горе Камешок, Красная Гора и др. Поисковая работа и раскопки, проводимые Б.Х. Кадиковым, сыграли большую роль в накоплении сведений о мезолитических комплексах Алтая, на базе которых развивались дальнейшие исследования.

Первое концептуальное осмысление материалов, полученных с раннеголоценовых памятников Алтая, было сделано академиком А.П. Окладниковым. Изучив огромный комплекс материалов, он сформулировал свою культурно-хронологическую периодизацию каменного века Северной Азии. Мезолит, как особый этап в его периодизации, отсутствует. Его в Сибири заменяет заключительный период каменного века – эпипалеолит [6; 7, с. 213–223]. Термин «эпипалеолит» он понимает как «возможность существования реликтовой палеолитической культуры в отдельных районах в то время, когда в других областях уже сложилась более передовая культура». Такая пережиточно-палеолитическая культура существует, по его мнению, «на север и на восток от Урала, начиная с Алтая» [7]. Как доказательство своей точки зрения Алексей Павлович приводит материалы с таких памятников, как стоянки Усть-Сема, Урожайная, Бехтемирская, датируя их началом голоценового времени и отмечая в их материалах сосуществование древних традиций галечной культуры с миниатюрными двусторонне обработанными наконечниками стрел и призматической индустрией [7, с. 217].

Следует заметить, что в изложении материалов у Алексея Павловича есть существенные неточности. Так, например, стоянки Урожайная и Бехтемирская не являются голоценовыми [8, с. 138–141; 9, с. 33–35]. А поселение Усть-Сема, раскопки которого тогда только начинались, что не позволило А.П. Окладникову ознакомиться со стратиграфической ситуацией и полным комплексом материала, оказалось многослойным памятником. Именно поэтому оказалось ошибочным предположение о сосуществовании галечной индустрии и наконечников стрел. Все наконечники происходят из верхнего и среднего культурных слоев стоянки Усть-Сема, где отсутствует не только галечная индустрия, но и скребла [5]. Вместе с тем в ряде работ А.П. Окладников убедительно доказывает, что архаичность комплексов изделий верхнего палеолита Сибири – это не пережиток более ранних традиций, а, наоборот, прогрессивный перелом, развитие совершенно нового по характеру инвентаря, который имел свои особенности, заключающиеся в том, что начался он относительно рано (в позднем

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ-5400.2008.6. «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

плейстоцене), развитие техники обработки камня шло иначе, чем в Европе, и рано сложившиеся во всех основных чертах позднепалеолитические культуры Сибири, продолжали существовать вплоть до неолита. В силу данных особенностей, как отмечает Алексей Павлович, «никакого решительного перелома, никакой революции в материальной культуре и хозяйстве сибирских племен при переходе от палеолита к неолиту не происходит. В отличие от Запада, развитие хозяйства и культуры идет здесь без резких скачков и переломов» [6, с. 109].

Новые находки памятников мезолитического времени на Катунь связаны с именем ученика и последователя Б.Х. Кадикова Б.И. Лапшина, научного сотрудника БКМ, аспиранта А.П. Окладникова. В 1976 г. им проведена разведка в долине Катунь, по правому берегу от села Чепош до с. Нижний Куюс, в результате которой были открыты новые памятники в устье р. Эдигана, у ручья Тельдекпень (Тельтехмень) и в устье реки Бийке [10, с. 215; 11, с. 11–12]. Данные работы, а также анализ материала, накопленного Б.Х. Кадиковым и его предшественниками (М.Д. Копытовым, С.М. Сергеевым, А.П. Марковым), позволили ему выработать свою точку зрения на материал переходного от палеолита к неолиту периода. Он предлагает его двухвариантное решение:

1. Сосуществование макроформ галечной традиции с микроформами;
2. Отсутствие макроформ, минимальное использование галечных традиций и разнообразие микроформ индустрии [11, с. 21].

Развитие индустрий идет, по его мнению, в сторону усиления второй традиции над первой. Первая традиция представлена в материалах нижнего комплекса стоянки Майма и четвертым слоем Усть-Куюма [3]. Ранняя стадия развития второй традиции представлена материалами стоянки Каратурук. Проходя определенные этапы развития по пути микролитизации, данная традиция перерастает в индустрии, представленные верхними горизонтами Маймы и Усть-Куюма.

Таким образом, Б.И. Лапшиным была впервые намечена четкая схема развития позднепалеолитических и раннеголоценовых индустрий средней Катунь. Отмечена микролитизация некоторых типов инвентаря и выделена серия признаков, характерных для обработки каменного материала данных комплексов. Отчасти идеи этого исследователя использованы автором для создания схемы развития мезолитических культур региона.

В 1979 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова проводил работы в Горном Алтае. Основной целью отряда являлась целенаправленная разведка по обнаружению памятников, прежде всего каменного века, а также проведение рекогносцировочных раскопок в районе

с. Манжерка. В результате был открыт еще один микролитический памятник – Манжерок-II [12, с. 53–55]. Отметив сходство материала со вторым культурным слоем поселения Усть-Сема, авторы датируют его ранней стадией эпохи голоцена. Ближайшие аналогии данному комплексу они видят в памятниках с микролитическим инвентарем Восточного Зауралья и Западной Сибирской равнины – Лиственный Мыс, Выйки-I, II, Черноозерье-VI и Большой Берчикуль [13].

Начиная с 1980 г. в долине Средней Катунь начинают проводиться широкомасштабные археологические работы, связанные с проектируемым строительством каскада Катунской ГЭС и ее инфраструктуры. Эти работы дали новые интересные материалы, относящиеся к раннеголоценовому времени.

В 1981 г. А.С. Суразаковым было открыто поселение в устье р. Эдигана, а в 1981–1982 гг. им совместно с сотрудником Горно-Алтайского краеведческого музея, Л.М. Чевалковым, на поселении был произведен сбор подъемного материала [14, с. 28]. Дальнейшее исследование комплекса памятников в устье р. Эдигана было продолжено одним из археологических отрядов АлтГУ в 1989–1990 гг. [15; 16]. Разведочным отрядом Алтайского госуниверситета под руководством М.Т. Абдулганеева, в 1983–1984 гг. проводившим работы на левом берегу Катунь от устья Урсла до устья Титкескень, где открыто многослойное поселение Титкескень-2 [17], а также зафиксированы находки микролитических изделий в устье р. Бийке, Ороктоя, в окрестностях с. Каянчи. Спустя год на Титкескене-2 автором начаты многолетние исследования, которые затем продолжил Ю.Ф. Кирюшин, зафиксировавший нижний финально-мезолитический восьмой культурный слой. В 1985 г. обнаружено поселение Титкескень-3, которое, наряду с Усть-Семой, стало базовым для изучения памятников эпохи раннего голоцена Средней Катунь. Одновременно с работой на данных памятниках велись раскопки Нижнетиткескеньской пещеры-I, нижний культурный горизонт которой отнесен к мезолиту [18], а также комплекса многослойных поселений в устье р. Куюма.

В 1987 г. автором продолжены раскопки на поселении Усть-Сема. Изучена вся территория стоянки, пригодная для раскопок составляющая (включая работы Б.Х. Кадакова) 1500 кв. м. Площадь мыса, на котором располагался памятник, в настоящее время полностью разрушена в результате расширения Чуйского тракта.

В 1989 г. Г.Я. Барышниковым были обнаружены несколько гротов и пещера в долине р. Бийке. В 1990 г. данный комплекс был обследован под руководством академика А.П. Деревянко, а в 1993 г. палеолитический отряд Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В.Т. Петрина приступил к его раскопкам. В результате исследований пещеры

Бийке-I был получен представительный материал раннеголоценового времени [19; 20].

В период с 1989 по 1992 г. в устье р. Бийке проводил работы Бийкенский археологический отряд под руководством А.А. Тишкина. В ходе данных работ были произведены сборы подъемного материала с поселения Усть-Бийке-I, открытого Б.И. Лапшиным, а при исследовании курганной группы Бийке на территории могильного поля обнаружено мезолитическое поселение Усть-Бийке-II [21, с. 46–47], исследование которого в 1996–1997 гг. проводились В.П. Семибратовым. Выделены два культурных горизонта раннеголоценового времени, а также зафиксированы остатки первого на Алтае мезолитического погребения [22].

В результате данных работ был накоплен значительный материал, позволивший ряду ученых сформулировать свое понимание развития и генезиса раннеголоценовых индустрий Средней Катуни. Так, например, Н.Ю. Кунгуровой были типологически и функционально проанализированы материалы поселений Усть-Сема (верхний слой), Элекманар и Тыткескень-2, что позволило ей выявить их хронологическую последовательность и проследить эволюцию индустрии от позднего мезолита до раннего неолита. Автором делается вывод о единокультурности данных памятников и выделяется микролитическая еландинская культура эпохи мезолита-неолита [23, с. 43; 24, с. 28].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. несколько памятников мезолитического времени были зафиксированы в предгорной и лесостепной зонах Алтайского края: Заковряшино-1 (Каменское Приобье), Кабанье (Кулундинская низменность), выделены культурные слои раннеголоценового времени на поселениях Камешок-1–4 (устьевая зона р. Неня), мезолитические комплексы описаны на разрушенных ветровой эрозией поселениях юго-западных районов Алтайского края, прежде всего Павловка-1 (юго-западный район Алтайского края) [2, 33].

Дискуссия последних десятилетий о правомерности выделения в археологической периодизации понятия «мезолит», связанная с процессом обобщения и интерпретации массовых микролитических материалов, привела к своеобразной «патовой» ситуации. При этом каждый исследователь, вольно или невольно вовлеченный в этот спор, остается при своем мнении и все доводы в обширной историографии проблемы поворачивает в защиту именно своей точки зрения. Мы не будем вдаваться в историографические оценки, это сделано ранее [25–29].

Общеизвестен факт, что археологическая периодизация, к разделу которой относится и понятие «мезолит», не универсальна, и не может быть универсальной, так как общество развивается неравномерно. Именно поэтому наблюдается стремление некоторых исследователей найти название для характеризуемого

периода, которое отвечало бы понятиям «всеобщности» и «закономерности». Выбор среди существующих периодизаций невелик: антропологическая, археологическая, геологическая и социально-экономическая. Антропологическая периодизация по известным причинам отпадает, хотя и имеет возможности для решения проблемы, но применяется весьма редко. Остается геологическая (в широком смысле слова) периодизация, имеющая подходящий хронологический промежуток – ранний голоцен. Этот термин, по мнению ряда исследователей, как нельзя лучше отвечает всем требованиям для характеристики временного отрезка между палеолитом и мезолитом. Из работы в работу начинает кочевать новый термин, необходимость его всячески обосновывается (как правило, негативно – показом «неудобств» различных видов археологической периодизации) [13; 19; 27–29]. Однако остается одна маленькая неувязка, термин-то этот вырван из контекста другой науки, имеющей другой предмет и объект исследования. Создается совершенно нелепая ситуация: археологическая периодизация доводится до финального палеолита, затем вклинивается термин «ранний голоцен», далее все вновь идет по канонам археологической периодизации. Таким образом, нарушаются методологические принципы создания периодизации, т.е. происходит то, что в логике именуется *подменой основания* и ведет к нарушению причинно-следственных связей в науке. Чтобы не быть голословным, процитирую §3 «Деление понятий» из учебника логики. Правило №2: «Деление должно производиться только по одному основанию. В процессе деления избранный нами признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком». Результаты методологического нарушения периодизации широко известны: путаница в понятиях и теоретических реконструкциях. Теоретически, логически противоречивые схемы не обладают ни описательной, ни объяснительной, ни эвристической силой. Мина замедленного действия в подмене археологических периодов геологическими заложена в самой основе этих построений: геологические эры, периоды, века являются отражениями *естественного* процесса эволюции *природы*; археологическая периодизация отражает определенные отрезки истории *общества*. Мало того, перенесение естественнонаучной периодизации на процесс развития общества (и его материальной культуры, как части этого процесса) приводит к появлению механицизма в анализе. Появляется тенденция рассматривания материальной культуры (в том числе и каменных индустрий) как самодостаточного явления, развивающегося само по себе, без воздействия иных факторов. Подобная формализация гуманитарной науки ведет в тупик. До замены термина «мезолит» термином «ранний голоцен» на уровне периодизации применение любых геологических понятий («рисс», «вюрм», «сартан» и т.п.)

являлось только уточнением возраста индустрии или культурного слоя. С подменой понятия возросла опасность разрушения археологической периодизации.

Существование реального и объективного отрезка, занимающего хронологический промежуток между финальным палеолитом и ранним неолитом ни у кого из исследователей сомнения не вызывает. Согласно существующим археологическим терминам этот период соответствует или мезолиту, или эппалеолиту, или бескерамическому неолиту (в отличие от понятия «ранний голоцен» эти термины не являются логически противоречивыми). Можно ли среди указанных терминов выбрать наиболее подходящий? Несмотря на кажущуюся несерьезность проблемы, с методологической точки зрения это важная задача. Начнем с наиболее архаичного названия – «эппалеолит». Приставка «эпи...» имеет довольно много значений (с греческого языка *epi* – на, над, сверх, при, после). В русском языке «эпи...» закрепилось в обозначении расположения поверх чего-либо, возле чего-либо, следование за чем-либо. Периодизация этих действий не определена, поэтому, учитывая хронологическую протяженность палеолита и всех последующих эпох, всю голоценовую историю общества можно смело назвать «эппалеолитом». Неудобство термина всегда объясняется его неопределенностью. Понятие «эппалеолит» применяется для обозначения культур периода каменного века, сохраняющих выразительные традиции предшествующей эпохи. Фиксируются ли такие традиции в индустриях Алтая раннеголоценового времени? Генетическая связь, несомненно, имеется, но в достаточно ограниченном объеме, так как техника изготовления палеолитических орудий на отщепах и сколах (скребла, зубчато-выемчатые изделия, долота, острия и т.п.) исчезла. Поскольку необходимость в изготовлении этих инструментах отпала, исчезла и техника расщепления, базирующаяся на утилизации плоскостных и галечных ядрищ. Сохранился традиционный набор скребков, некоторые стратегии призматического расщепления (в том числе клиновидные и торцовые нуклеусы) и крайне немногочисленные рубящие галечные орудия. При этом скорняжные и некоторое количество других типов инструментов древние мастера оформляли не на специальных заготовках, а на продуктах утилизации нуклеусов. Более половины *всей* индустрии (включая отходы производства) составляют призматические пластины. При этом следует учитывать, что размеры этих пластин для палеолитических индустрий совершенно не характерны. Если при сравнении пластин не учитывать их реальные размеры, а ориентироваться на относительные (крупные, средние или мелкие внутри комплекса), то получается еще одна ловушка, в которую попадают исследователи. Ибо даже палеолитические микропластины (пластинки) в комплексах раннеголоценового вре-

мени попадают в разряд крупных или средних [30]. Количество типов орудий на пластинах и характер их обработки радикально отличают эти индустриальные традиции. В регионах, где происходит смена традиций, термин «эппалеолит» теряет всякий смысл.

Другой термин «бескерамический» («докерамический») неолит не менее условен и неудобен, особенно в применении к Алтаю. Каменные ансамбли неолитических культур, имея сходство с более ранними, отличаются весьма существенно. По коэффициенту сходства, просчитанному Н.Ю. Кунгуровой, наиболее ранний неолитический культурный слой (7 к.с. поселения Тыткескень-2) и наиболее представительный комплекс Усть-Семы не принадлежат к одной культуре, но имеют общие технологические корни [31, с. 12]. Не исключен вариант прихода на Алтай в раннем неолите нового населения и ассимиляция им автохтонных обитателей. Эта проблема, несомненно, еще далека от разрешения, но она ярко демонстрирует неприемлемость термина «докерамический неолит».

Остается единственное название периода, отвечающее всем требованиям изучения локальных культур, – «мезолит». Трудно сказать, чем этот термин смущает исследователей. Любая переходная эпоха в любой хронологический период имеет свои особенности, связанные с адаптацией общества к переменам в хозяйстве. Мезолит – не исключение. Регионы, в которых были найдены свои пути приспособления к переменам климата в начале голоцена, могли миновать мезолит (Корея, Япония, юг Дальнего Востока), там правомерно применение термина «докерамический» неолит. Возможно приспособление палеолитического хозяйства (и индустрии) к сложившимся условиям. В этом случае вполне правомерен термин «эппалеолит». Однако распространение любого из этих названий как универсального заведомо обречено на провал. Тем не менее, в отличие от «раннего голоцена», все перечисленные названия не создают логического противоречия в схеме археологической периодизации и вполне жизнеспособны при характеристике многообразных путей адаптации раннеродового общества к переменам в начале голоцена.

Вернемся к проблемам изучения этого раздела истории региона. Результаты конкретных исследований обобщались уже не раз, поэтому мы отметим основные положения, которые вытекают из проведенных работ и позволяют продолжать начатые исследования и решать появившиеся проблемы.

1. Впервые проблему мезолита на юге Западной Сибири поднял академик А.П. Окладников. Исходя из анализа имеющихся, но не до конца исследованных комплексов ученый пришел к заключению об отсутствии этого периода в каменном веке Алтая и переживании палеолита (эппалеолита) без особых изменений в технике расщепления и орудийном на-

боре до появления афанасьевских племен [3; 6; 7]. Это положение отразилось на дальнейших обобщающих исследованиях, в том числе и в обобщающем томе «Археология СССР. Мезолит СССР», куда не вошли уже известные, но неверно истолкованные материалы по Усть-Семе.

2. Вновь вопрос о мезолите Алтая был поднят одновременно, но с разных позиций в 1984 г. Ю.Ф. Кирюшиным, Н.Ю. Кунгуровой, А.Л. Кунгуровым (обоснование термина «мезолит»), В.Т. Петриным и В.И. Молодиным, В.П. Семибратовым и С.А. Ефремовым (обоснование термина «ранний голоцен»). В последние годы термин «ранний голоцен» употребляется учеными как синоним термину «мезолит» и «ранний неолит» (например, тема диссертации, представленной В.К. Мерцем на соискание ученой степени кандидата исторических наук, звучит так: «Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3». Стоит ли говорить о том, что голоценовым комплексом могут являться *естественные аллювиальные и субэдральные отложения рек, болот, озер и т.п.*, а не культурные остатки жизнедеятельности человеческих коллективов, обитавших в этот период времени).

3. В 1980–1990-х гг. опубликованы все основные материалы, отражающие этапы развития мезолитиче-

ской традиции в горных и равнинных районах Алтая. Разработана хронология периода, определены истоки мезолитических традиций и результаты их развития. Выделена и обоснована усть-семиная культура долины Катунь [32–36].

4. Основными проблемами изучения мезолита на сегодняшний день являются следующие:

– достоверное определение традиций и инноваций в технологии первичного расщепления камня и вторичной обработке, что позволит определить регионы, оказавшие влияние на развитие автохтонной культуры (в том числе Центрально-азиатские);

– выявление и обоснование хозяйственных особенностей, позволивших обитателям региона ответить на природные вызовы конца плейстоцена – начала голоцена, которые привели к явным кризисным явлениям в обществе конца каменного века;

– определение эволюционных технологических достижений, приведших к вызреванию элементов неолитической культуры, а также вычленение в этом процессе инновационных элементов и их влияния на традиционное хозяйство.

Решение указанных проблем достаточно актуально для создания непротиворечивой реконструкции этого интереснейшего периода истории, являющегося во многом ключевым для понимания особенностей развития более поздних культур.

Библиографический список

1. Кубарев, В.Д. История изучения археологических памятников средней Катунь / В.Д. Кубарев // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990.
2. Кунгуров, А.Л. Палеолит и мезолит Алтая / А.Л. Кунгуров. – Барнаул, 1993.
3. Окладников, А.П. Древнее поселение на р. Куюме (Алтай) по раскопкам 1964–1965 гг. / А.П. Окладников, В.А. Влadyкин // Известия Лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1967. – Вып. 1.
4. Кадилов, Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея / Б.Х. Кадилов // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск, 1959.
5. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема / А.Л. Кунгуров, Б.Х. Кадилов // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.
6. Окладников, А.П. Сибирь в древнекаменном века. Эпоха палеолита / А.П. Окладников // Материалы по древней истории Сибири (Макет первого тома «Истории Сибири»). – Улан-Удэ, 1964.
7. Окладников, А.П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР / Окладников // У истоков древних культур – М., 1966. – МИА №126.
8. Адаменко, О.М. К вопросу о геологическом возрасте южно-сибирского палеолита / О.М. Адаменко // Бюл. ком. по изуч. четверт. периода. – 1966. – №31.
9. Деревянко, А.П. Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника сопка Урожайная (низовья р. Катунь, Северный Алтай) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин. – Новосибирск, 1992.
10. Лапшин, Б.И. Разведка в долинах рек Катунь и Бий / Б.И. Лапшин // АО 1976 года. – М., 1977.
11. Лапшин, Б.И. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) / Б.И. Лапшин, Б.Х. Кадилов // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.
12. Молодин, В.И. Разведка в Горном Алтае / В.И. Молодин, В.Т. Петрин // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.
13. Молодин, В.И. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае / В.И. Молодин, В.Т. Петрин // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990.
14. Суразаков, А.С. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае / А.С. Суразаков, Л.М. Чевалков // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. – Горно-Алтайск. 1983.
15. Семибратов, В.П. Археологические исследования в устье р. Эдиган / В.П. Семибратов, Н.Ф. Степанова // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Вып. IV, ч. 1.
16. Кунгурова, Н.Ю. Находки каменной индустрии в устье р. Эдиган / Н.Ю. Кунгурова, Н.Ф. Степанова // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991.
17. Абдулганеев, М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае / М.Т. Абдулганеев // АО 1983 года. – М., 1985.
18. Кирюшин, Ю.Ф. Археология Нижнетыткескенской

пещеры-1 / Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Н.Ф. Степанова. – Барнаул, 1995.

19. Петрин, В.Т. Исследование пещерного комплекса на р. Бийке (правобережье Катунь Горный Алтай) / В.Т. Петрин, С.В. Николаев, И.В. Усачева и др. // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995.

20. Николаев, С.В. Бийкенский археологический микрорайон (правобережье средней Катунь) / С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин и др. // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995.

21. Кунгуров, А.Л. Находки финального мезолита в устье р. Бийке (Горный Алтай) / А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Вып. 4, ч. 1.

22. Семибратов, В.П. Поселение Усть-Бийке-1: итоги и перспективы изучения / В.П. Семибратов, О.В. Майчиков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Вып. VIII.

23. Кунгурова, Н.Ю. Микролитические индустрии Средней Катунь / Н.Ю. Кунгурова // Северная Азия в эпоху камня. – Новосибирск, 1987.

24. Кирюшин, Ю.Ф. Хронологические комплексы поселения Тыткесень-2 / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, Н.Ю. Кунгурова // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991.

25. Лынша, В.А. Понятие мезолита в современной археологии / В.А. Лынша // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. – Новосибирск, 1991.

26. Лынша, В.А. Технологическая революция в начале Саргана: стадия позднего палеолита или мезолит? / В.А. Лынша // 100 лет гуннской археологии. Номанизм:

прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. II.

27. Ефремов, С.А. Проблемы выделения раннеголоценовых культур на Алтае / С.А. Ефремов // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. 1.

28. Ефремов, С.А. К вопросу о термине «мезолит» в сибирской археологии / С.А. Ефремов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – Т. 5.

29. Семибратов, В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.П. Семибратов. – Барнаул, 2000.

30. Кирюшин, Ю.Ф. Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите–неолите Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, А.Л. Кунгуров // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.

31. Кунгурова, Н.Ю. Неолитические индустрии Катунь и озера Иткуль: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Ю. Кунгурова. – Барнаул, 2000.

32. Кунгуров, А.Л. Мезолит Алтая: миф или реальность? / А.Л. Кунгуров // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.

33. Кунгуров, А.Л. Микролитические памятники Кулунды / А.Л. Кунгуров, В.С. Удодов // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993.

34. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема / А.Л. Кунгуров // Источники по истории республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997.

35. Археология, геология и палеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. – Новосибирск, 1998.

36. Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск, 1998.